

После пятнадцатого дня первого лунного месяца год подходит к концу, и начинается напряженный сельскохозяйственный сезон.

Перед весенним посевом землю необходимо взрыхлить. В коммуне мало скота. Деревне Сишань не удалось заполучить их в этом году, поэтому они могут рассчитывать только на то, что члены коммуны будут сдавать их по одному. Это работа, которую можно выполнить сильным трудом.

Чжао Нань тоже погрузился в работу, и заработанные им центы были зачислены его семье. Но он мог заниматься этим всего несколько дней, в мгновение ока наступит девятнадцатое число первого лунного месяца, когда он должен немедленно вернуться в армию.

В тот вечер Цзян Жуй вязала свитер под лампой, и осталась только одна манжета. Пусть он наденет его завтра.

После того, как Чжао Нань закончил мыться, он сел в стороне и наблюдал за ней.

Цзян Жуй периодически разговаривала с ним:

— Ты ходил поговорить с папой? Завтра тебе предстоит сесть за руль, а он встанет рано утром, чтобы отправиться на поле, так что, возможно, не сможет тебя встретить.

— Хм, я только что вышел из родительской комнаты.

— Младшего брата и младшей сестры нет дома. Когда будешь проезжать уездный город, если у будет время, зайдите и проведать их. В следующий раз, когда вы встретитесь, пройдет год.

— Хорошо, — кивнул Чжао Нань, — мне стоит попрощаться с твоими родителями?

Цзян Жуй немного подумала и покачала головой:

— Забудь об этом, я вернусь и скажу им после того, как ты уйдешь.

Ван Тунхуа любит лица. В последний раз, когда Чжао Нань видел ссору дома, ей было немного не по себе. Если он вскоре навестит ее снова, это только поставит ее в неловкое положение.

— Хорошо, — закончив последний этап вязания, она встряхнула свитер, взяла его в руки и осмотрела его слева и справа. Она думала, что все в порядке, левая и правая части симметричны, а швы в порядке. Затем она сказала Чжао Наню:

— Надень это и посмотри, не подходят ли какие-нибудь детали, я поменяю.

Чжао Нань снял пальто, под ним оказался тонкий свитер, который прилегал вплотную к коже и подчеркивал сильные мышцы его груди и рук. При его движениях мышцы вздувались, полные красоты и силы.

Цзян Жуй посмотрела на него и внезапно протянула два пальца, чтобы ущипнуть его за грудь.

Голова Чжао Наня все еще была прикрыта свитером, и его тело внезапно отпрянуло. Он схватил ее озорную руку одной рукой, а другой оттянул вырез свитера. Наконец, он показал свое лицо и беспомощно посмотрел на нее.

— Ладно, ладно, я не дразню тебя, просто дай мне посмотреть, когда ты будешь наряжаться, — сказала Цзян Жуй с улыбкой, убирая свою руку, как будто ничего не произошло.

Чжао Нань покачал головой и поправил воротник и подол своей рубашки.

Цзян Жуй впервые связала свитер, но он хорошо сидит. Ее зрение и понимание, естественно, несравнимы с обычными людьми. В последний раз, когда она шила себе хлопчатобумажное пальто, она сшила его за один раз. Она чувствовала, что в будущем сможет стать отличной портнихой.

Одежда очень теплая, и после того, как ее надеваешь, все тело согревается. Чжао Нань увидел, что Цзян Жуй оглядывается вокруг, и внезапно протянул руку и обнял ее.

— Я доложу, когда прибуду в армию, — он произнес эту фразу несколько дней назад, и он повторил ее сегодня.

— Я знаю, я буду ждать твоих новостей дома, — Цзян Жуй обняла его за талию, потершись лицом о его плечо.

Чжао Нань замолчал и не отпускал ее.

Цзян Жуй подняла голову, чтобы посмотреть на него, и сказала: — Постель в беспорядке, а вещи еще не убрали. Позволь мне сначала прибраться.

— Я помогу, — Чжао Нань закончил говорить и снова подождал, прежде чем отпустить ее, прижать к столу и быстро убрать ножницы для шерсти и другой мусор с кровати.

Была поздняя ночь, и все остальные члены семьи Чжао заснули. Чжао Нань лежал на кровати, но ему все еще не хотелось спать. В прошлом, когда он возвращался домой навестить родственников, хотя перед отъездом его охватывала некоторая меланхолия разлуки, он никогда не испытывал такого беспокойства.

Он беспокоился о том, что она останется одна, беспокоился о его отсутствии, о том, будет ли она чувствовать себя некомфортно в незнакомой обстановке, и даже беспокоился о том, не будет ли его семья запугивать ее. Если возможно, он хотел бы взять ее с собой, когда завтра уедет.

— Почему ты не спишь? Тебе завтра рано вставать, — сказала Цзян Жуй в его объятиях.

Чжао Нань сложил руки на груди и привлек ее к себе. Тело в его объятиях было мягким и гладким. Ему почти хотелось изо всех сил прижать ее к своему телу, но он боялся, что это причинит ей боль, если будет слишком стараться.

Эти двое были слишком близко, Цзян Жуй просто перевернулась, легла ему на грудь и тихо спросила:

— О чем ты думаешь?

Чжао Нань посмотрел на нее сверху вниз, склонил голову и поцеловал в лоб, затем сказал:

— Не будь стесненной дома, просто относись к нему как к своему собственному дому.

Цзян Жуй, вероятно, угадала его мысли и тихо усмехнулась:

— Не беспокойся обо мне. У тебя очень хорошая семья. Твои родители любят меня, и мои старший брат и невестка тоже добрые. Но ты береги себя, когда будешь один. Послушно жди, пока я приду к тебе.

— Да, — Чжао Нань кивнул.

— Теперь ты можешь заснуть? — Цзян Жуй зевнула и собиралась встать с его тела, но ее тонкую талию крепко держали две большие ладони.

— А? Ты хочешь еще что-нибудь сказать? — она подняла голову и посмотрела в темные глаза Чжао Наня.

— Сегодня вечером ляжем спать попозже ... — две ладони медленно поглаживали вверх-вниз.

На следующий день, когда Чжао Нань проснулся, было еще темно. Он повернул голову и посмотрел на лицо спящей Цзян Жуй. Он хотел наклониться, чтобы поцеловать ее, но побоялся разбудить. Поэтому просто пристально смотрел в течение долгого времени, прежде чем легко встать.

Чжан Лиюнь уже проснулась и разводила огонь на кухне. Оранжевые языки пламени танцевали, и она смотрела на них с ошеломленным выражением лица, пока скрип двери не разбудил ее.

Она подняла голову и увидела входящего Чжао Наня. Через дверь кухни она могла видеть, что небо снаружи все еще было темным.

— Почему бы тебе не поспать еще немного? Следующие два дня ты будешь в дороге и плохо будешь спать.

— Я достаточно выспался, — Чжао Нань подвинул скамейку и сел рядом с ней.

Чжан Лиюнь искоса посмотрел на сына. Впервые он ушел из дома более десяти лет назад. Она тоже встала до рассвета, сварила яичные блинчики и попросила его взять их с собой в дорогу, чтобы перекусить. Он тоже сидел тихо, как сегодня. Рядом с ней, в мгновение ока, слегка незрелый мальчик превратился в порядочного мужчину.

— Вдали от дома береги себя, не беспокойся о семейных делах. Баоцинъ – хорошая девочка, прилежная и разумная. Под моим присмотром над ней не будут издеваться.

— Она молода, пожалуйста, позаботься о ней, мама.

Чжан Лиюнь пристально посмотрела на него:

— Ты все еще хочешь мне сказать? Она моя невестка, кого волнует, что я этого не делаю? Ты, сопляк, боишься, что я буду запугивать твою жену, да? Прожив почти тридцать лет, ты впервые сказал вежливые слова своей старой леди, только для новой невестки. В твоём сердце я злая свекровь?

Чжао Нань не понимал, почему его мать рассердилась всего на одно предложение. Основываясь на принципе произносить больше слов и делать больше ошибок, он просто покачал головой и промолчал.

Чжан Лиюнь сказала еще несколько слов, вспомнив, что ее сын скоро уедет, она почувствовала себя неловко и постепенно успокоилась.

— Мама, вы с папой должны быть осторожны, — внезапно сказал Чжао Нань.

Чжан Лиюнь отвернула голову, вытерла уголки глаз и сказала грубым голосом:

— Тебе все равно нужно сказать. Мы с твоим отцом можем рассчитывать на то, что ты, ребенок, будешь служить нам, пока нам не исполнится сто лет!

Чжао Нань кивнул:

— Я так и сделаю.

После завтрака Чжао Нань ушел, не позволив семье проводить его.

Цзян Жуй стояла на плотине водохранилища, наблюдая, как он несет багажную сумку, уходя все дальше и дальше, пока она больше не могла его видеть, а затем повернулась, чтобы идти домой.

В комнате были только Ли Сяоэ и Чжао Сяобо. Ребенок был очень взволнован, Чжао Сяобо только что встал и узнал, что второй дядя ушел, поэтому он угрюмо ел.

— Невестка, где мама? — Цзян Жуй оглядела комнату, но не увидела Чжан Лиюнь.

Ли Сяоэ указала на комнату и прошептала:

— Каждый раз, когда второй брат уходит из дома, мама в плохом настроении. Так что позволь ей побыть в одиночестве.

Был почти полдень, когда Чжан Лиюнь вышла из комнаты, и выглядела она примерно так же, как обычно.

Она позвала Цзян Жуй и сказала:

— А-Нань не попрощался со своей тещей перед отъездом, Баоцинь, ты можешь вернуться домой сегодня днем.

— Хорошо, — Цзян Жуй согласилась и после обеда отправилась к семье Ду. Когда кто-то спросил ее, почему она была одна, она улыбнулась и сказала, что Чжао Нань уже вернулся в армию, и когда кто-то спросил ее, почему она не пошла с ней, она также ответила одно за другим.

Ду Юфу и Ду Баоцян оба пошли работать на ферму. Ду Баочжэнь вернулась в школу. В доме Ду только Ван Тунхуа, Чжан Сяохуа и Сяо Шаньчжэ.

Когда Цзян Жуй вошла, Ван Тунхуа кормила кроликов во дворе:

— Мама, я вернулась.

— Вернулась? Ты уже поела? — Ван Тунхуа оглянулась, увидела, что она была одна, и спросила: — Почему А-Нань не пришел с тобой?

Цзян Жуй взяла на себя работу по кормлению кроликов:

— Я поела. А-Нань уже отправился утром в армию. Потому что было слишком рано и еще не рассвело, поэтому он не пришел сказать тебе.

— Он ушел так рано? Вы женаты всего несколько дней, — Ван Тунхуа слегка нахмурилась: — Он сказал раньше, что ты прийти к нему в армию, когда это будет исполнено?

— Сначала ему нужно доложить о возвращении в армию, мама. Как насчет Сяо Шаньчжэ? От холода лучше?

Ван Тунхуа скормила кролику последнюю травинку и стряхнула пепел с рук:

— Ну, последние два дня она почти не плакала. Сейчас она спит в доме, и твоя невестка с ней.

Цзян Жуй окинула взглядом комнату и тихо спросила:

— Невестка и брат ведь не ссорились в эти дни, верно?

— Без ссор. Она смертельно устает каждый день, и нет сил ссориться.

После нескольких дней просмотра Ван Тунхуа все поняла. Ее невестка злилась, на самом деле, не из-за того, что ей давали слишком много работы, но она была так зла, что Баочжэнь не работала. Эти два дня Баочжэнь ходила в школу и ее не было перед ней. Дома все еще было так много работы, но она не видела, чтобы та спорила.

Она посмотрела на старшую дочь, которая опустила голову, чтобы покормить кролика, со смешанными чувствами в сердце. Почему, когда Баоцинь была дома, никто не шумел? Это было потому, что она выполняла большую часть работы одна. Она всегда знала, что эта дочь хорошо воспитана и прилежна, что многие годы считалось привычкой. Теперь, когда она ушла, она понимает, сколько тривиальной и тяжелой работы содержалось во фразе «трудолюбивый», которая раньше легко слетала с их уст.

Жаль, что слишком поздно. Ее самая прилежная дочь стала чьей-то невесткой. Ее невестка склонна к соперничеству и не желает страдать. Другая дочь, как и ее муж и сын, заботятся только о своем акре и трех точках и не может представить себе ничего другого, или, скорее, не хотят притворяться, что у них есть что-то еще.

Комментарий переводчика:

Итак, мамы всего мира, давайте будем справедливыми родителями. Давайте не будем любить одного ребенка и бросать другого.

Мне жаль нашу Ду Баоцинь.

<http://tl.rulate.ru/book/105201/3724303>